

Театр Леонида Енгибарова

философский смысл.

А вот антивоенная сатира — «Тотальная мобилизация». Как тут не вспомнишь Швейка! Кстати, эта пантомима подарена Енгибаровым французскому миму Марселю Марсо. А в порядке творческого ответного подарка в программу «Новеллы о смешном и грустном» вошла прекрасно сделанная, одна из лучших миниатюр программы «Продавец стекла» и, пожалуй, кульминация этой программы — «Клетка». Обе пантомимы сейчас значительно изменены, артист привнес в них много своего, изменил концовки.

...Идет по дороге человек. И вдруг замечает, что вокруг выросла клетка. Железные прутья давят со всех сторон, сверху, грозят раздаться... Нечеловеческим усилием он вырывается на волю, опять идет. И — опять клетка! На этот раз освободиться еще трудней, но он все же выплывается, обессиленный, измученный. С дорогой опять приходит надежда, жизнь возвращается... Но клетка неумолима, она еще раз притягивает к земле. Не успев разорвать ее, человек погибает.

Эта пантомима звучит у Енгибарова не как реквием, а как предостережение, как призыв: Бопитесь! Не сдавайтесь!

Да, смешной и грустный маленький мим говорит с нами о жизни. Говорит серьезно и талантливо.

Э. ОРЛОВА.

любое положение, пародируя любой цирковой номер, артист делает его порой куда артистичней и своеобразней основного исполнителя.

Есть такое понятие — ритм в крови. И это — тоже о Енгибарове. Не верится, что даже такое гибкое тело успевае так мгновенно и точно следовать за прихотливыми джазовыми ритмами — кажется, что эта музыка звучит внутри него и при малейшем движении рук, ног, головы просачивается, вырывается наружу.

Невыскакая меланхоличная фигурка в черном, в смешных, неуклюжих башмаках. Выразительные печальные глаза. И грустные концовки почти всех реприз... Во время гастролей в Польше и Чехословакии газеты писали о нем: «Клоун — поэт», «Клоун — романтик», «Клоун с осенью в сердце...». Да, пожалуй, он чем-то напоминает чаплинского героя. Но сходство только внешнее — в облике и, пожалуй, в тональности... Потому что герою Енгибарова этого мало: мечты о голубоглазой блондинке, о собственном домике и садишке.

...Передо мной — экземпляр киносценария «Мечты... Мечты...» Автор — Леонид Енгибаров. Он же будет и сниматься в главной роли. Центральный герой уже

знаком вам хотя бы по манежу... Это милый и робкий юноша, неуверенный в себе, целомудренный рыцарь... Он влюблен в студентку института физкультуры и видит себя в мечтах совсем иным — ловким, сильным, лучшим из лучших! А наяву — увыл — он неуклюж, несмел, неловок... И все же он совершает героический поступок, который никто не видит, никто не может оценить...

И тот же герой — в только что снятом цветном фильме киностудии имени Довженко — «Имеющий глаза...» Художник, творец устал от жизни, от людей. «Ах, пропади все пропадом!» — восклицает он. И... все пропало! Он очутился один в опустевшем городе.

Но подлинный художник, артист не может существовать без своего искусства, жизнь тогда теряет свой смысл. А если нет людей — кому, зачем искусство? И он, преодолев свой внутренний кризис, возвращается к людям.

Да, большому, настоящему артисту всегда есть что сказать людям. И это отлично чувствуешь на сольном концерте Леонида Енгибарова. (Эту творческую встречу организовало Свердловское отделение ВТО).

Итак, «Мимические по-

веллы о смешном и грустном». Трансформируясь в каждой миниатюре, герой Енгибарова везде остается самим собой. И опять восхищаешься необыкновенной пластикой актера, предельной выразительностью каждого жеста. Кисти рук, выглядывающие из-за спины, оказываются, могут рассказать целую повесть о множестве людей, прощающихся на вокзале... А вот на руке хирурга — трепещущее сердце, вы слышите, чувствуете, как оно дышит, бьется...

Вы улыбаетесь, глядя на остроумные цирковые миниатюры — пародии, смеетесь над незадачливым дон-жуаном («У папы сегодня свидание»), над «человеком-шлагбаумом» — в маленьком фельетоне с этим же названием. Вы разделяете грусть неудачливого влюбленного в отличной пантомиме «В день ее рождения»...

Новеллы — такие крошечные и в то же время такие емкие — сменяют друг друга. Одни детализированы, расписаны подробностями, радуют меткой наблюдательностью. Другие — как, например, маленький шедевр «Жизнь женщины» — чуть обрисованы несколькими поющими линиями: это зыбкий контур, абрис, за которым большие жизненные обобщения, глубокий

ВЕЧЕРНИЙ СВЕРДЛОВСКИЙ
Г. СВЕРДЛОВСКИЙ

15 АВГ 1966